

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С о д е р ж а н и е :
Всего по немногу.
Письма о пережитом.
Большевизм, революционный синдикализм и анархизм.
Поворот в общественном мнении по отношению к Махно.
Песня махновцев.
Социализм в истории, теории и практике.
Декларации и резолюции первой Конференции анархических организаций Украины "Набат"
Призыв. (Стихотворение)
Ответ на резолюцию А.-К. группы г. Нью-Йорка.
Отчеты и заявления.

ВСЕГО ПО НЕМНОГУ

ЗАБАСТОВКА углекопов "почти" закончена. Заключив перемирие на год возвратились на старых условиях на работу рабочие в твердом угле, возвратилось и около 75 % работающих в мягком угле. Алчности хозяев был дан отпор... Либеральная и буржуазная пресса гремит о победе углекопов над хозяевами. Но так ли это? Действительно ли произошла победа?

По вычислению профессора Колумбийского университета Огворн'а семейному нужно: "1622 долл. в год, дабы жить за линией нищеты, а углекопу 2244 долл. для поддержания минимума здоровья и комфорта. Из буржуазной же статистики видно, что в среднем в твердом угле шахтер зарабатывал за каждый год всего лишь 1357 долл. 40 ц. Таким образом, живя в нищете, углекопы видели полнейшую невозможность существования, если-б желание хозяев, урезать плату на 25-40 %, было осуществлено. А при потере рабочих дней, благодаря обычным востоям в угольной промышленности, благодаря болезни рабочего, благодаря забастовкам и т.п., — заработок углекопа в большинстве случаев не превышает 800 долл. в год. При грязной, опасной для здоровья и жизни работе, углекоп зарабатывает в 2-2½ раза меньше необходимого ему минимума.

Стоило ли голодать, попадать в тюрьмы, подставлять свои груди наемным убийцам капитализма, — стоило ли бастовать ради этих достижений? Нет, еще несколько таких побед и рабочие, как мухи, будут валиться замертво с голоду. Рабочие массы подобны резиновому шару сдвинуты со всех сторон капиталистической системой. Там, где его вдавливают сильнее, он оказывает сопротивление, но дальше границ предоставленного ему объема, он не выправляется, а, с потерей эластичности, сопротивление его все уменьшается и уменьшается. С повсеместным распространением техники и исчезновением

колоний-рынков, капитализм обращается за пополнением убывающих извне доходов, в внутрь страны, выжимая последние соки своих рабочих, урезывая плату и повышая стоимость жизни.

Но "шар" рано или поздно лопнет, и заключенное в нем недовольство вихрем пронесется по всему земному шару и сметит с поверхности всех толкающих, давящих, душащих его паразитов. Вся задача в том: в каком направлении вырвется это недовольство, будет ли оно достаточно сильно, чтобы очистить общество от давящих правительств-насильников и собственников-эксплуататоров, сумеем ли мы, анархисты, успеем ли мы внедрить в сознание трудящихся идею Анархического (безвластного) Общества, как цель будущей революции?

ОТСУТСТВИЕ солидарности в среде трудящихся, организованных в отдельные ремесленные цехи, каждый из которых преследует свои узко эгоистические цели — дает возможность эксплуататорам без труда справляться то с одной, то с другой группой. Прекратив забастовку, углекопы оставили своих собратьев железнодорожников одинокими в их борьбе. Правительство не замедлило тотчас же по улажению стачки углекопов обрушиться всей своей мощью на бастующих рабочих железнодорожных мастерских. Видя, что косвенная помощь хозяевам в лице грубой силы (солдат, милиция, полиции и шпионов — всюду насильничающих над бастующими) не приносит результатов, правительство двинуло в поддержку капитализма и законодательную машину. 1-го сентября министром юстиции, Догерти, был издан "инджонкшоп" (запрет), которым воспрещалось бастующим пользоваться фондами их же собственной организации для поддержания своих голодных семейств, запрещалось собирать средства, запрещалось устно, письменно или телеграфно сно-

ситься с бастующими и т. п. Изолировав бастующих, правительство решило взять их измором.

Такое явное нахальство правительства, обычно старающегося скрыть свою личину наемника, служителя и защитника буржуазии, вызвало взрыв негодования не только в рабочей среде, но и в кругах мало-мальски честно мыслящих людей. К правлению А. Ф. Т. вернее сказать, правительству, — ибо централистически организованная, А. Ф. Т. является ничем иным, как государством в государстве, во главе с царьком-президентом Гомперсом и его ответственными министрами-президентами различных цехов) начали поступать требования о вызове Генеральной Забастовки протеста против "инджонкшоп". Гомперс и его правительственная машина, поспешно вырвав инициативу вызова Генеральной Забастовки из рук бастующих, на своем кабинетном заседании заговорили самую мысль о Генеральной Забастовке, решив "бороться" не против "инджонкшоп" вообще — а лишь против нескольких ее пунктов нарушающих, яко-бы, конституцию страны (к слову сказать, протестируемую на каждом шагу правительством), — бороться судом... Они решили у волков искать правосудия над волком, у суда искать защиты от главного представителя того же суда!.

Но Гомперс и другие сатрапы рабочих союзов, не будут овечками — нет, они плоть от плоти и кровь от крови тех же хищников, они достанут свою долю шерсти от бывшей и будущей обильной стрижки — эксплуатации рабочих.

Рабочие проснитесь! Сбросьте своих продажных правителей, ложных вождей, разрушьте централистическую государственную форму своих организаций. Пусть будет один общий союз всех рабочих каждой фабрики, каждого предприятия, пусть они свободно федерируются между собой в одну общую Федерацию, целью которой должно быть не оборона жалкого существования рабочих в наемном рабстве, а упразднение собственности во всех ее видах и, вмес-

те с ней, наемного труда и нищеты, Федерацию, которая, сама существуя без правительства, уничтожила бы и все виды правительств, защищающих собственность, а иногда и захватывающих ее непосредственно в свои руки, а вместе с ними и всякого рода насилие.

Руководящим лозунгом — целью всех трудящихся может быть лишь: Свобода Труда и Свобода Личности, — Довольство для всех. Пусть нашим освободительным рычагом будет не мирная генеральная забастовка, а Социальная Революция — упраздняющая собственность и уничтожающая государства. Побольше мужества! Больше любви к свободе!

"Берите ж винтовки и браунинги смело, Идите и бейтесь за правое дело!."

ДА, больше любви к Свободе, больше понимания ее! Буржуазное государство обречено смерти пробуждающимся сознанием рабочих. Социалистическое государство проявило себя так же насильником и поработителем трудящихся, и "революционное" правительство в своей форме и методах не отличается ничем от других правительств. Всей тяжестью своей налегало правительство большевиков в России на согнутые спины и шеи рабочих и крестьян. Стоял русский трудящийся люд, обманутый в своих надеждах на свободу, уныло поник головой в мрачно-печальных думах. Всякое живое свободное слово подавлено, на всякий порыв к свободе наложены цепи!

Подавлен и задушен голос анархистов, возмущенных к Свободному Обществу — к Анархическому Коммунизму. Больше и грубее нежели в какой-либо другой стране. Правящая партия большевиков, живо уверяя, что она страмится к свободному (какая злая ирония!) коммунизму, и даже перекрестившись у себя силу, подчинив себе дисциплиной армию и воссоздав полицию, с инквизиторски мрачной и свирепой Чека во главе, — начала систематическую кампанию истребления Анархизма. Все активные, имеющие мужество выявлять себя словами или делом анар-

хисты, единственные носители и сеятель идеи Свободы — расстреляны, обречены на медленную смерть в тюрьмах, сосланы в глубь и глушь холодного Севера, или выброшены за-границу.

Голос депортированных и бежавших из России товарищей взывает к нам и будит нашу общественно-революционную совесть к состраданию и солидарности к товарищам в России. Мы задыхаемся в гневе к насильникам. Что же мы молчим? Что же мы растерянно бездействуем? Ограничимся-ли мы протестами словесными и посылайкой скудной помощи на поддержание жизни товарищей в тюрьмах и ссылке? Нет и нет! Нужна немедленная безотлагательная помощь, нужно освободить товарищей! Против насильников-диктаторов нужно могучее радикальное средство борьбы. Нужен широкий систематический революционный террор всюду за-границей и внутри России, против учреждений правительства, против особо ненавистных представителей его. Всякие протесты бессильны — нужно революционное действие! Товарищи, думайте! Товарищи, решайте! Товарищи, действуйте! Пусть голос Анархии будет слышен в России, пусть он грозно зовет к беспощадной борьбе с насильниками, — к Социальной Революции, пусть будит пораженные правительственной реакцией народные силы на бой с новыми паразитами, впились в трудовое народное тело.

Пусть голос Анархии громовым раскатом пронесется по всему миру: Свобода, Свобода и только Свобода!

АХ, как радостно звучит это слово, как много говорит оно: свободный человек, свободно избравший себе труд по душе, свободно ищущий кооперации своих собратьев-людей, свободно имеющий доступ к орудиям производства и богатствам земли, свободно пользующийся благами наук, искусств и всех приобретений человечества, свободно развивающий все свои способности, свободный любить, свободный жить и дышать, свободный наслаждаться жизнью.

Где же те титанические силы, которые разлагают мрачные призраки собственности

и власти, стоящие на пути к Свободе? Какие методы борьбы нужны с этими двумя чудовищами, пожирающими миллионы жизней, не вкусивших жизни?

Силы эти внутри нас: поработленных, угнетенных и обезданных; силы эти растут и крепнут. С каждым днем, с каждым годом все явственнее выступает необходимость Свободы и стремление к ней. Грузно и тяжело движутся эти силы, снова и снова попадают в западни алчных к наживе и власти, но все ярче и ярче светит факел Свободы, все шире распространяются идеи Анархизма и стараются оградить трудящихся от горьких ошибок.

Вперед же, за работу, Друзья Свободы! Будущее принадлежит нам!

"В ЕДИНЕНИИ сила" — говорит опытная мудрость. Единение насущный вопрос анархического движения. Единение духовное, великая вещь, оно сближает индивидуумов их стремление к общей цели; но живя в органическом мире, будучи органическими существами, мы не можем удовлетвориться лишь духовным единением, — нам также необходимо единение и органическое, связь материи. Нам нужно выработать общий метод борьбы, метод разрушения настоящего и строительства будущего, нам нужно согласовать свои действия. Анархисты-Индивидуалисты, отрицающие органическую связь — организацию, являются более или менее пассивными элементами в анархическом движении (их антиорганизационная деятельность уравнивается их последовательной и беспощадной критикой всяких централистических тенденций в организациях), но ведя пропаганду Анархизма, являются нашими сообщниками-спутниками в разрушении и по сущности своей не могут мешать строительству свободного сообщества людей. Анархисты-Синдикалисты правы в том, что нам, анархистам, нужно работать, вести пропаганду в синдикатах (рабочих союзах), в том, что синдикаты рабочих будут играть громадную роль в Социальной Революции; но глубоко заблуждаются и теряют анархическую сущность,

когда говорят нам о переходной ступени Диктатуры Труда, фаталистически считая такой период неизбежной необходимостью и выявляя себя, таким образом, еще не отрешившимися от властнических идей.

В свою очередь часть Анархистов-Коммунистов, относя отрицательно или сурово критически к анархической работе в рабочих союзах, впадают в **тактическую ошибку**.

Анархический-Коммунизм, сильный в своей стройной и в то же время вполне свободной организации, чистый в своих представлениях о будущем обществе, где общество служит лишь удовлетворением потребности личности, широко и всесторонне развивающий свою деятельность во всех жизненных доступных общественных формациях, особенно **уделяя внимание** союзам рабочих — такой Анархизм охватывает все три течения. Прежде всего Анархизм, ибо коммунизм есть лишь предполагаемая форма общественно-го совладения богатствами земли и сотрудничества людей, которая более способна экономически обеспечить личность и дать больше досуга к всестороннему развитию. Говоря об объединении анархистов нужно учитывать цель и способ ее осуществления. Целью всех анархистов является свободное сожитие людей, а методом Социальная (анархическая) Революция, разрушающая старое и создающая новое в своем ходе одновременно. Эта цель и метод приемы для Ан. — Инд. и Ан. — Ком., но всецело развенчивают Ан. — Синдикалистов, которые предлагают "передышку" по пути к свободному обществу в форме диктатуры рабочих союзов над обществом, совершенно упуская из виду что эта, формула "Диктатуры Труда" так же обманчива и пуста, как и "Диктатура Пролетариата", что диктаторами явятся вожди союзов и порожденная на экономической подкладке бюрократия будет также противна интересам рабочих, как и ее старшая сестрица, бюрократия политическая.

Из сказанного ясно, что нам надо быть прежде всего и главным образом анархистами и, связывая духовную сторону с материальной,

— действовать сообразно. Необходимо, жизненно необходимо объединение Анархистов, нужна согласованность в их работе, и у анархистов всегда есть и будет почва для схождения. Нам, русским анархистам за-границей, так много говорящим о международном объединении всех рабочих, следует обратить внимание в первую очередь на объединение своих разбросанных в каждой стране и по всем странам сил и связей их с анархическим движением в России.

Анархическое движение в России раздалено; у него нет сил противодействовать новым хищникам. Мы, здесь за океаном, в Южной и Северной Америке, имея крупные анархические организации, борясь против местных власти и собственными головами большинства правительств и новой буржуазии в России. Наше сближение в понятиях, общие враги, общий язык, общий темперамент — все подталкивает нас к единению. Нам лишь нужно определенно выяснить: кто мы? Если мы Анархисты если мы сходимся во взгляде на будущее общество и настоящее, если мы безостановочно стремимся к достижению анархического общества путем Социальной Революции — тогда: Да здравствует объединение в одну общую Федерацию или Конфедерацию Анархистов! Объединение устраним ощущение потерянности наших сравнительно небольших сил в буржуазном обществе, поддержит революционно — бунтарский дух и поднимет продуктивность нашей работы. Мы вдохнем новые надежды в сердца наших товарищей в России, мы поможем продолжать им борьбу до полного освобождения. Мы сделаем первый шаг по пути мирового объединения Анархистов, объединившись сами. У нас имеются с каждым днем все более налаживающиеся связи и мы пойдем к объединению не ради формальности, а побуждаемые интересами нашего анархического движения.

И мы еще раз приветствуем: Да здравствует единство Анархизма, да здравствует объединение Анархистов.

Письма о пережитом

Волин.

Письмо четвертое.

О "политическом" положении в России.

Общественные науки — социология, политическая экономия, науки о праве и друг. — страдают коренным недостатком, лишаящим их, до настоящего времени, того значения, какое они могли бы иметь в общественной жизни: они оперируют целым рядом основных понятий, до сих пор совершенно не разработанных и точно не установленных. Тот общезвестный факт, что юристы по сей день ищут определения самого существа "права", — далеко не единичен. Социология никак не может ясно установить такие центральные понятия, как "общество", "государство", "организация", "власть", "насилие", "прогресс" и пр.*) Политическая экономия все еще бессильна дать отчетливое определение "класса" и безнадежно путается в ряде чисто-экономических представлений и отношений. История — вообще очень легко относится к вещам, несколько не задумываясь над их сущностью... И т. д.

Еще плачевнее обстоит дело с общественными теориями и построениями, стремящимися — на яко-бы точных "научных" основаниях — диктовать пути жизни, создавать конкретные "программы", властически вмешиваться в процесс исторического развития, воздействовать на него давая ему то или иное направление. С поразительным легкомыслием распоряжаются эти

*) Отсюда — с я полное бессилие не только разрешить, но даже сколько-нибудь толково поставить вопрос о взаимоотношении между "обществом" и "личностью", вопрос о "роли насилия" в истории и ряд других вопросов перво-степенной важности. — Первая серьезная попытка установить понятие "общества" и ясно поставить эти вопросы сделана в начавшей недавно появляться капитальной работе русского социолога проф. П. А. Сорокина: "Система социологии". До сих пор вышли т.т. I и II. Изд. "Колос". Петроград, 1920.

теории всевозможными понятиями и терминами — совершенно произвольными, неопределенными, разно понимаемыми и толкуемыми. С удивительной беззаботностью водружаются на этом туманном и зыбком фундаменте целые системы верований, убеждений и, наконец, действий.

О таком положении вещей, почему-то, не принято говорить. На него — сознательно или бессознательно — закрывают глаза. Делают вид, словно те или иные понятия и термины давно и прочно установлены, для всех ясны, всем равно понятны. На каждом шагу пускаются в оборот слова, имеющие, будто-бы, точный смысл. На деле, эти слова — пустые звуки, не имеющие никакого определенного содержания. В конце концов, к ним привыкают как к таковым и бросают их, даже не спрашивая себя, что, в сущности, они означают. Дурная привычка говорить "словами", вместо их содержания, обращается в привычку еще более скверную: мыслить словами, а не понятиями.

Голыми терминами обдумываются и обсуждаются социальные теории. На голых терминах возводятся общественные системы.

Что же удивительного, если, в результате, мы имеем, на каждом шагу, недоразумения, неожиданности, путаницу, ошибки, неудачи и поражения? Что странного в том, что даже в итоге побед — мы приходим только к "кризисам" и хаосу?..

До тех пор, пока основные понятия, полагаемые во главу угла общественных теорий и систем, не будут глубоко проанализированы и правильно установлены, — человеческая деятельность будет неизбежно блуждать ощупью, в темноте, и человечество будет учиться жить, будет двигаться вперед лишь ценою жестоких опытов.

Несомненно, анархизм — в общем и целом — относится к делу осторожнее, добросовестнее

и глубже других теорий. Он вдумчивее разбирается в вещах. Он не рядится в тогу фальшивой "научности", не устанавливает на пустом месте непреложных "программ", не стремится демагогически командовать массами. Он старается уловить подлинные внутренние устремления социального процесса, старается выявить, определить их и посылить помочь их осуществлению.

Однако, и он, в известной степени, невольно заражается грехами других теорий. И он нередко платит дань их легкомыслию. И он, подчас, недостаточно серьезно относится к понятиям, недостаточно глубоко продумывает их... Отсюда — его уклон в сторону чуждых построений, его частое неуменье самостоятельно и верно ориентироваться в положении вещей.

Одним из наиболее неопределенных, смутных понятий, — играющих, однако, первостепенную роль и, потому, постоянно пускаемых в оборот, — являются как-раз понятия — "политика", "политическое".

Над этими терминами мало задумываются. Их считают давно и окончательно ясными. На них, по обыкновению, строятся целые теории. Пусть, однако, читатель попытается дать действительно отчетливый ответ на вопрос: что такое "политика"? что такое — "политическое"? Мы более или менее хорошо представляем себе деятельность хозяйственную, "административную", культурную, "военную", "дипломатическую", научную и т. д. Но какая именно, присущая человеческому общежитию, особая деятельность характеризуется специальным обозначением "политической"? Что такое, собственно, "политика"? Каковы ее корни в прошлом? Где лежат источники ее происхождения? Каковы ее место, роль и значение в современной общественной жизни?

Стоит только серьезно задуматься над этими вопросами, чтобы увидеть, что дело обстоит не так просто, как это кажется с первого взгляда. Точный ответ оказывается нелегким. Поня-

тие "политического" становится и сложным, и туманным. А между тем, мы на каждом шагу, вкривь и вкось, толкуем о "политической деятельности", о "политическом положении", о "политической борьбе", о "политическом устройстве" и т. п., совершенно не вдумываясь в подлинное содержание всех этих выражений. Легко понять, сколько недоразумений, ложных суждений, ошибочных построений и неверных выводов должно вытекать из такого отношения к делу.

Невозможно, конечно, в небольшом письме заняться подробным анализом и определением понятий "политики" и "политического". Этот анализ не входит сейчас в нашу задачу и может быть предметом особой работы. Но для того, что бы теперь же выявить сущность "политического" состояния в России, необходимо хотя кратко формулировать несколько основных вытекающих из такого подробного анализа, положений.

1) Особого рода "политической" деятельности, которая была бы органически присуща и нужна человеческому общежитию, на самом деле не существует.

2) В ходе исторического процесса — нормальный общественно-организационный момент, необходимый во всех отраслях человеческой деятельности (хозяйственной, культурной и т. д.) был, в силу ряда причин, подменен другим моментом, совершенно изуродовавшим первый — естественный*) — момент и получившим впоследствии название "политического". (Позже — естественное понятие "общества" было, подобным же образом, подменено искусственным понятием "государства").

3) Сколько бы мы ни спрашивали у ис-

*) "Нормальным" или "естественным" я называю, в данном случае, все то, что связано с самым существом процесса человеческого развития и органически необходимо для последнего. — Подробно об этом, как и о причинах, приведших к "подмене", — в особой работе.

тории, какого рода деятельность и какие учреждения именовались в прошлом и именуются в настоящем "политическими". — мы найдем всюду и всегда одно: "политическими" назывались и называются такая деятельность и такого рода система учреждений, которые дают одним (привилегированному меньшинству) физическую возможность и формальное ("юридическое") право угнетать и экономически эксплуатировать других (трудовое большинство). Ничем иным "политика" по существу никогда не была и быть не может.

4) "Политическая деятельность", "политическое устройство" и т. п. присущи не человеческому общежитию как таковому, а лишь временному элементу угнетения и эксплуатации (привилегированным меньшинством подавленного трудового большинства) в человеческом общежитии.

5) Всякая политическая власть есть лишь конкретное выражение, рычаг и инструмент этого угнетения и эксплуатации. Никогда ничем иным политическая власть не была и быть не может. Если эксплуатирующий элемент имеется налицо, — политическая власть им выдвигается, на него опирается, его представляет и охраняет. Если его нет, — она его создает.

6) Машина, предназначенная дробить, не может вязать. Точно так же — аппарат, приспособленный к делу угнетения и эксплуатации, не может стать аппаратом освобождающим. Раз будучи водворен и пуцен в ход, аппарат политической власти способен лишь — механически — дать тот результат к которому он приурочен. Кем бы и с какими бы целями он ни водворился и как бы ни именовался, — в конечном счете он даст неизменно все тот же эффект: создание привилегированного меньшинства и затем — порабощение и эксплуатацию этим меньшинством трудового большинства.

7) Всякая политическая власть — и всегда — есть гибель нормальному общежитию. Она в любом случае и смысле не может служить путем к последнему. Она ведет сразу и прямо в сторону от правильного пути — все дальше

прочь от него, по совершенно иной дороге. Она абсолютно не нужна ни для первичной организации нормального общежития, ни для его защиты, ни для его дальнейшей жизни и развития.

8) Все политические власти — по существу совершенно однородны и одинаковы. Ни о какой "рабочей", "пролетарской" и т. п. политической власти, ни о каком "рабочем" или "революционном" правительстве не может быть серьезной речи. Все эти "понятия" — пустые звуки, вздор, плод недомыслия; или — побасенки для наивных простаков. Все эти выражения так же бессмысленны, как выражения "горячий лед" или "холодный огонь".

9) В революции, которая стремится уничтожить рабство, угнетение, эксплуатацию и привести к нормальному и свободному общежитию, должен быть, прежде всего, уничтожен всякий намер на политическую власть. Первые же шаги такой революции и создания такого общества должны и могут быть сделаны лишь при отсутствии политической власти и на совершенно свободной от нее почве. Восстановление же или малейшее сохранение политической власти есть, неминуемо, гибель революции и восстановление эксплуатации.

10) Так называемая "советская власть" есть лишь колоссальный блеф: такая же бессмыслица, как и "революционная" или "рабочая" власть.

Таковы, вкратце, те положения, к которым приводит анализ понятий "политики" и "политического".

Какое же отношение имеет все сказанное к вопросу и "политическому положению" в современной России?

Отношение это таково:

1) Сущность формулированных выше утверждений ярко, неоспоримо подтверждена всем ходом русской революции и ее результатами.

2) Эта сущность (при всей ее важности, все еще не совсем ясная и не вполне установ-

ленная теоретически) отныне ясно, прочно и непоколебимо усвоена, раз навсегда, широкими трудовыми массами русского населения на непосредственном живом опыте революции и ее итогов.

Характернейшей особенностью "политической" жизни России за годы революции является то обстоятельство, что многомиллионные трудовые массы имели конкретную возможность собственными глазами перевидеть, на собственной спине испытать и по достоинству оценить всю гамму политических идей, всю вереницу политических деятелей и властей.

В круговороте сменявшихся друг друга политических режимов Россия последовательно пересмотрела: монархию, республику буржуазную, "демократическую", "коалиционную" и наконец, республику "красную", "революционную", "пролетарскую". Некоторые местности (Сибирь, Украина и др.) присутствовали при многократной смене правительств, перевидали всякие власти по несколько раз, перепробовали одну за другой все политические системы — начиная от крайних правых, и кончая крайними левыми.

Этого мало. Необходимо отметить еще одно характерное обстоятельство. В русской революции был более или менее длительный момент (август — ноябрь 1917 г.), когда вопрос стоял о "политической власти" именно как о таковой — отчетливо, чисто-принципиально. Буржуазия — отчетливо, в сущности, никакой в то время не имела уже, в сущности, никакой фактической силы; наличная власть не могла фактически ни представлять, ни охранять экономические массы начинали сами овладевать экономическим аппаратом. В начале этого процесса поставлен был ребром вопрос о необходимости, — в целях полного успеха, — захвата и организации политической власти. Большевики настаивали на захвате. Анархисты — на простой ликвидации власти и на переходе к безвластному общественно-экономическому строительству. По целому ряду причин, о которых мы будем говорить в другом месте, политическая идея взяла верх. Эта идея пользовалась еще

кредитом!.. И вот, старая власть пала, — новая водворилась. В дальнейшем — эта новая власть должна была, именно как таковая, служить рычагом перехода к новому обществу. Она должна была до конца миссию его освобождения. Таким образом, русская революция — впервые в истории — "оголила" вопрос о политической власти, поставив его самостоятельно, принципиально перед лицом трудовых масс. Эта "оголенность" наглядно показала массам всю истинную сущность "политики", всю ложность и гибельность самого политического принципа. Отныне, политическая власть воочию обнаружилась свое органическое бессилие содействовать задаче созидания нового общества и свою исконную миссию — служить источником только новых привилегий и новой эксплуатации. Когда, впоследствии, массы убедились в ложности и гибельности принципа политической власти, — было поздно! Новая власть сделала свое гибельное дело: она убила революцию и превратилась в кровавую реакционную силу, отстаивающую себя против подлинной революции.

В итоге всего этого огромного опыта, значительные массы трудового населения России прониклись глубокой убежденностью в том, что политика, политическая деятельность и политическая власть не только не имеют решающего никакого отношения к задаче освобождения труда, но и прямо враждебны ей. Если это убеждение еще и не осознано населением вполне отчетливо, в виде определенной формулы, не отчетливо, в виде определенной нормы, то инстинктивно оно приобретено нами отнюдь не случайно. Все, что выше формулировано нами относительно понятия "политического", — теперь стало каждому рабочему и крестьянину России ясно — проанализировал на опыте и установил. Он — хорошо знает теперь, что такое "политика". Он знает, что это — угнетение и эксплуатация и ничего больше. "Попробовали мы довольно и ничего больше, и красненьких: все хороши. Все друг друга стесняют. Мы не хотим больше ничего, никакой власти.

На что она нам — власть? Мы и сами устроимся." Вот что можно было, начиная с 1921 г., на каждом шагу услышать в самых глухих уголках России.

Наши общие выводы относительно сущности "политического" положения в нынешней России оказываются того же характера, что и относительно положения экономического.

"Дух разрушающий" довел и в политической области свое дело до конца. Он разбил все, оставшиеся от прошлого, политические заблуждения и иллюзии. Он разметал по ветру все прежние и современные политические построения и системы. Разрушив, в октябре 1917 г., воздушный замок "коалиционной" власти и дав место власти яко-бы "рабочей", он, далее, не оставил по существу камня на камне и от этой последней постройки. Он фактически, наглядно для трудовых масс свел к нулю и утратил весь цикл политических процессов, не исключая самых левых. Тем самым, из пещеры этих масс оказалось вытравленной самая идея политической власти, государства и политической диктатуры, самая возможность признания впрямь какой бы то ни было политической системы. Вместе с тем — (что не менее существенно) — рухнула навсегда и идея политической партии. И это понятие — понятие-то! — разбито русской революцией, без возможности возрождения.

Жестоким опытом всевозможных политических режимов естественно привел к гибели сам принцип политики. Самые устои "политической жизни" разрушены в России — и реальная идея этих устоев умерла. Самый "элементарный" политический принцип изжит безвозвратно.

Отвечая и другую сторону дела. Проявил ли себя "созидающий дух"? Заменены ли потерянные политические устои какими-либо конкретными не политическими формами общественной жизни? Отрицательный ответ ясен. Отсутствие творческого социально-экономического

кого результата (на которое мы указали в прошлом письме) уже предопределяют его.

Здесь необходимо принят во внимание характерную разницу между экономической и политической сторонами социально-революционного процесса. Социально-экономическая жизнь призвана, разумеется, возродиться. Ее крушение есть преходящее зло. Смысл процесса — ее новый творческий расцвет. "Политика" же должна именно умереть. Ее крушение есть само по себе, цель.

Разрушение до конца миража политической формы, наглядное разоблачение ее гибельности и расчистка пути для идеи не политической, а социально-революционного созидания — таковы политические достижения русской революции. Таков ее политический смысл.

Пустое, выгоревшее место, ожидающее новой, не политической постройки. Такова сущность современного "политического" положения России.

— Но позвольте, — может спросить иной читатель: — а "Советы"? Разве же они не являются именно новой формой политической организации (трудящихся), возведенной на месте разрушенных старых?

На это может быть только один ответ: — Именно Советы и их судьба как нельзя лучше доказали трудящимся массам России и доказывают нам, что какие бы названия и ка-

*) Подчеркнем здесь же, что, по нашему мнению, центр тяжести лежит не в вопросе о государстве или о "диктатуре" (о которой сейчас так много спорят), но именно в вопросе о политическом принципе как о таковом. Именно его крушение логически влечет за собой крушение и миража государства, и гибельной идеи политической диктатуры, и понятия политическое. Необходимо — думаем мы — про- вообще. Когда умрет она, то и самый термин "диктатуры" (если бы он уцелел) перестанет быть жутким.

Социальная революция предполагает полную ликвидацию политического и социального рабства трудящихся и передачу им всех органов производства и потребления в целях создания единого товарищеского хозяйства рабочих классов.

Первым революционным мероприятием победоносного пролетариата города и деревни будет закрепление в руках трудящихся всех органов производства и приспособление их для нужд трудового города и деревни. В этом первое и необходимейшее условие утверждения и дальнейшего развития революции.

Но как же организовать производство, когда кругом движется контр-революция, когда нет армии для борьбы с ней, нет политического центра, который бы координировал все действия революционного народа и руководил ими? Одним словом, как можно закрепить и развить позиции революции не имея рабочего государства, располагающего политической, военной и административной силой? Неужели каждый рабочий союз будет иметь свой продовольственный аппарат, свою армию и т.д." (Аргументы Зиновьева, изложенные в его докладе на II конгрессе Коминтерна. См. "Коммунист. Интернационал" № 13).

Все эти вопросы имеют целью заболотить живое революционное дело трудящихся и служат показателем того, что политик всегда есть только политик, безнадежно чуждый сущности социальной революции.

Основу социальной революции составляет ее положительная творческая сторона. Сторона военно-боевая, разрушительная является отрицательной в революции. Правда, с нее, с отрицательной стороны революция должна начинаться. Она должна будет расчистить путь для осуществления своих положительных заданий Невозможности своих положительных заданий Невозможности строить новую жизнь, имея под боком такого опасного и непримиримого врага, как государство. Его в первую очередь и устранят трудовые революционные организации рабочих и крестьян и их революционные армии. Лишь после

этого начнется основное дело в социальной революции — строительство свободной и независимой жизни трудящихся. И вот, в этот момент решающим явится то, на чем будет сосредоточено главное, центральное внимание масс. Мы категорически утверждаем, что если силы революции будут обращены на административно-политическую сторону дела, то революция, которая, заглушив государственную систему, подчинит себе, все ее силы и будет самодавать, жить для самой себя. Русская революция является живой иллюстрацией такого положения.

Ведь в русской революции положительные задания не были выполнены именно потому, что в нее ввели начала государственности. Большевики в обстановке революции создали государственную систему. Однако, не они управляли системой и не система служила революции, а наоборот, — революция была подчинена созданной системе.

Государство имеет специфические особенности: раз учинившись за мало-мальски удобную позицию, оно добровольно уже не оставит ее, а будет постоянно, до последнего поддыха стремиться расширяться, распространяться, подчинить себе все явления жизни. Это мы наблюдаем в русской революции. И опасность этого грозит тем синдикалистам, которые надобно. Моймуссо и некоторым русским анархо-синдикалистам, не могут отрешиться от идеи переходного политического периода и озачем построением новой политической системы отчаивающей трудящим преобразованиям в производственных отношениях. Их, якобы, строящая "временная" политическая система неизбежно начнет расширяться, постарается захватить и подчинить себе все стороны жизни и заглушит положительные задания революции, начнет самодавать, жить для самой себя, подобно государственной системе Ленина.

Но смысл анархизма и революционного синдикализма в том и заключается, что они бази-

руются прежде всего на положительной, творческой стороне революции.

Эта сторона разбивается на четыре основных задачи, от правильного разрешения которых зависит весь дальнейший успех революции. Вот эти следующие:

- 1) Учет, организация и правильное применение всех сил, принадлежащих социальной революции.
- 2) Земельный вопрос.
- 3) Индустриальный вопрос (вопрос всей промышленности и транспорта).
- 4) Продовольственный вопрос.

Важнейшая задача социальной революции, особенно в странах высоко-развитой промышленности — организация единого производства на началах рабочего самоуправления — может быть решена при решении общей продовольственной задачи. А эта последняя будет решена при правильном решении вопроса земельного и вопроса организации и использования всех сил революции.

Социальная революция с первых же дней будет развиваться при двух условиях, гарантирующих ей полный успех — при могучем революционном подеме трудящихся и при неисчислимых материальных ресурсах страны, целиком могущих пойти на служение революции.

Организация рабочего производства возможна была даже в России. Тем более она возможна в странах высоко-развитой промышленности, где пролетариат издавна слочен в профессиональные союзы и богаче техническими знаниями. Вопрос лишь в том, как безошибочнее провести это дело, с чего начать его? Ясно, что для Ему необходимы будут продовольствие, вооруженная помощь против сопротивляющейся или наступающей буржуазии и т. д. И здесь на первый план выступает задача организации и правильного применения всех сил революции.

Есть люди, которые социальную революцию считают своей монополией. Они непримиримы ко

всякой самостоятельной мысли, ко всякой критике; считают истиной лишь то, что от них исходит, а ложью и вредом все то, что вне их жизни и развивается. В политической и революционной области они требуют полного подчинения себе всех иначе мыслящих, или же объявляют им вооруженную войну. Попадая в положение правящей партии, они приносят неисчислимые бедствия, расчленяя на части ее живое тело. В русской революции такую преступную разлагающую роль сыграл большевизм. Он уничтожил все бывшие революционные организации, умертвил все несогласные с ним течение революционной мысли, перетрахнул все рабочие союзы и объявил вне революции все крестьянство, составляющее 80 % русского населения и 90 % его трудового состава.

"Мы не обещаем никаких свобод и никакой демократии, но говорим крестьянину, что он должен выбирать между нами, согласными до возможных границ идти им на уступки, дабы сохранить за собою власть и затем повести их к социализму, — или открытой гражданской войной". (Доклад Ленина на заседании III конгресса Коминтерна 5-го июля 1921 г. Газета "Правда" и "Известия" ВЦИК'а.).

— Или мы, или война всем неподчиняющимся нам, хотя бы этих неподчиняющихся было 99 % — таков девиз носителей государственного социализма, за которым, в сущности, скрывается древний культ цезаризма.

Анархизм и революционный синдикализм, стремящиеся не к партийной, а к социальной революции, к последней революции всех трудящихся, не допустят такого преступного и губительного обращения с силами революции. Они бережно отнесутся к каждой крупнице этих сил, стремясь приобщить их к делу общего служения революции.

Мы считаем весь пролетариат городов и все трудовое, не эксплуатирующее чужого труда, крестьянство основой и творцом социальной революции. На них должна базироваться революция. Всякое стеснение, в какой бы то ни бы-

и ничего общего с ней не имеющая. Все многообразие нашей жизни — вопросы просвещения, здравоохранения, призрения, улаживание конфликтов, записи рождений и смерти, словом все то, что можно назвать общественно-гражданскими и социальными явлениями — будет регулироваться органами народного самоуправления.

Основу социальной революции составит организация производства и распределения на началах труда и равенства. Отдельные отрасли производства будут руководиться отдельными синдикатами или их экономическими (производственными) советами, а все производство в целом — всеобщим производственным советом синдикатов. На всякое общественное и гражданское явление трудящиеся будут немедленно реагировать и для регулирования их создадут необходимые органы при производственных советах синдикатов или при всеобщем производственном совете синдикатов. Главное — из-за деревьев не следует упускать из вида лес, не следует сбивать себя с толку пустяками и забывать основное в социальной революции. А это основное следующее: а) Рабочие и крестьяне должны разбить порабощающие их государственные системы — одинаково и буржуазные и коммунистические — и занять те позиции, которые позволяют им свободно строить жизнь на принципе их самоуправления. б) Рабочие и крестьяне, ликвидировав государственные системы, должны будут сосредоточить основное свое внимание и свои усилия на положительной стороне революции. в) Если же, вместо этого, они займутся политической системой, то революция для них погибла. г) Если они свое дело в революции доведут до конца, то революция для них тоже погибла.

Обращаясь к другой стороне революции, которую мы называли отрицательной, хотя и необходимой — к армии и прочим средствам защиты, мы ограничимся немногим.

Да, армия нужна и она будет создана делом восставшего труда. Но не армия рабов, действующая на насилии и готовая каждую мину-

ту разбежаться, если увидит, что за это не расстреляют, пример чего являют все армии мира в том числе и красная "коммунистическая", а новая этой армии будет добровольчество, свободное идти на самую страшную самодисциплину, лишения и жертвы.

Русская революция могла дать в армию добровольческого элемента от полутра до двух миллионов бойцов, а может быть и больше, и не на два-на три месяца, а на два-на три года, но, разложившаяся с самого начала политической власти, она представила свое добровольчество разрозненными повстанческими отрядами, которые все же, преимущественно сами, справились с контр-революцией гетмана Скоропадского, с вояками Деникина и других контр-революционеров.

Армия восставшего труда будет создана по кличу рабочих и крестьянских советов, будет ответственна перед ними и будет руководима ими в лице Военного Отдела всеобщего производственного совета синдикатов. Следовательно, вопрос с армией решается в порядке основных принципов революционного синдикализма.

Анархизм и революционный синдикализм являются в настоящее время единственными органами пролетарской идеологии и пролетарской борьбы. И сейчас и особенно в момент революции трудящиеся обратят к ним свое доверие, надежды и усилия. Это будет момент исключительного классового объединения и классовых выступлений трудящихся. Ошибки анархизма и революционного синдикализма в такой момент принесут неисчислимый вред делу освобождения трудящихся. Они явятся уже не революцией местного значения, как в русской революции, а катастрофой рабочего класса по всему земному шару, — катастрофой, от которой трудящиеся смогут оправиться лишь в 100—150 лет.

Анархизм и революционный синдикализм останутся верными своему призванию. Их мировоззрение, вся их теория, самый смысл их

существования говорят за то, что они призваны и рабы строить с ними великое здание освобожденного труда. И они построят это здание на прочном фундаменте экономических и

социальных сил, на фундаменте основных потребностей трудящегося человечества, а не на песке политических систем и наслонений.

К о н е ц .

ПОВОРОТ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ К МАХНО.

М. Авенариус.

Как известно, общественное мнение, представляющей которого является печать Европы и Америки, было до сих пор чрезвычайно враждебно настроено по отношению к Махно.

Несмотря на то, что Махно олицетворяет собой революционную совесть и стремления украинского крестьянства, которое в свое время сыграло в развитии широкого, свободного революционного народного движения, не подчинившегося никакому верховному господству — ни старым царским генералам и гетманам (Петлюра, Скоропадский, Деникин, Врангель), ни так-называемой "диктатуре пролетариата" коммунистической партии — последние постоянно всячески старались заклеймить Махно именем бандита, разбойника и погромщика.

То же самое, с особым удовольствием и большим усердием повторялось, на всякие лады и манеры, также европейской обывательской и реакционной печати, изо дня в день. — Махно — бандит, Махно — разбойник, Махно — погромщик, — все эти силы сидят в Махно. И сколько раз уже Махно хоронили в печати?

Так шло дело, пока Махно находился еще на Украине, совместно с своими товарищами борясь, истекая кровью и жертвуя всем за идею свободы и независимости.

Но вот, картина меняется: Махно бежит в Румынию, арестовывается там румынскими властями и интернируется в концентрационный лагерь. Советское правительство обращает к румынскому правительству с специальной нотой о выдаче Махно. Румынское правительство, из каких-то своих расчетов, категорически отказывается в исполнении этого требо-

вания. В то же время, Махно с некоторыми товарищами удается бежать из концентрационного лагеря и перейти румынско-польскую границу. На польской территории он с товарищами никуда не арестовывается польскими властями и опять арестовывается в концентрационном лагере в Стшалкове. Украинское советское правительство, вновь обращаясь, через своего представителя Шумского, с нотой к польскому правительству, требуя выдачи Махно, как "преступника и атамана шайки бандитов". Но и польское правительство отказывается в выдаче Махно советскому правительству. Вскоре после этого, мы читаем в берлинской газете "Руль" телеграмму о том, что польское правительство решило предать Махно суду, обвиняя его в репрессиях против польских граждан в районе его партизанской деятельности.

Это последнее заявление польских властей немедленно обратило на себя внимание всего польского населения, особенно печати. Тотчас же образовалось два лагеря: реакционный и радикальный.

Реакционный лагерь продолжает работу большевиков, изо дня в день крича в своей печати, что Махно — бандит, и всеми силами стараясь возбудить против него население.

Совершенно иначе обстоит дело с радикальной печатью в Польше. Она приняла теперь позицию, которая несомненно оказывает Махно известную моральную поддержку. Так, варшавская еврейская, обывательская и полу-радикальная, ежедневная газета "Дер Момент" старается теперь снять позорное клеймо, вымышленное большевиками и повторявшееся прежде этой газетой, что Махно — погромщик. В № 141 вечер-

него издания от 20 июня, в статье "Антисемит ли Махно?" цитируется большая часть статьи, опубликованной в нью-йоркском еврейском анархическом еженедельнике "Фрай Аркадзе", где целым рядом фактов доказывается, что лично Махно всенародно расстреливал виновных в подстрекательстве к еврейским погромам или совершавших таковые. При этом редакция заканчивает статью следующим образом: "Здешний реэмигрант г. Х-кий также говорит о Махно, как об идеалисте-революционере. Он, между прочим, рассказывает такой факт: в Харькове Махно конфисковал большой транспорт товара у одного местного кушача г. Б-ха и разделил товар между окрестными жителями по равным частям. Принципом его всегда было: всем по-ровну". Самый факт является, конечно, плодом досужей фантазии реэмигранта Х-кого, так-как Махно никогда не был в Харькове. Но опубликование такого сообщения в газете весьма характерно.

В №152 польской ежедневной газеты "Работник," в центральном органе П.П.С. мы находим специальную статью под заглавием: "Махно". Указывая на то, что польская реакционная печать усердно повторяет, слово в слово, все что большевики уже о нем писали, автор говорит следующее: "Во имя безпристрастности необходимо ознакомить общество с недавней историей Махно, которого можно упрекать, быть может и судить, но которому вовсе не следует пристегивать имени "бандита". Говоря далее о том, что большевики прозвали Махно бандитом потому, что видели в нем своеобразного непримиримого идейного врага, автор пишет: "кто такой Махно? Махно — украинец — анархист, идейный партизан ведший упорную борьбу с большевиками, которых, правда, в течение некоторого времени поддерживал; но убедившись впоследствии, что "переходный процесс" русской революции находят-ся в руках нео-деспотов, не признающих ни голоса народа, ни голоса критики, ослепленных

"диктатурой пролетариата", которая на самом деле стала диктатурой одной партии, управляющей террором направо и налево, — Махно объявил войну Москве и приобрел себе симпатии почти всей Украины". Далее автор говорит: "Махно становится неуловимым. Все предпринятые Троцким меры оканчивались неудачей. Большевики понесли большие потери и в людях и в популярности, в то время, когда Махно стал символом мести против диких оргий чревоущес и произволу комиссаров. С Махно можно не соглашаться, можно его судить и осуждать, но не следует плевать ему в лицо и называть его бандитом и разбойником."

Если даже не предавать голосу упомянутых газет крупного значения, то все же следует отметить, что новая позиция этих газет дает два положительных результата.

С одной стороны — она помогает выяснению лицемерия большевиков, которые, в то самое время, когда они сами протестуют против выдачи революционеров буржуазными правительствами, имеют наглость требовать от правительств Румынии и Польши выдачи им революционера Махно, желая этим показать буржуазным дипломатам, каким "сильным фактором" в России является государственная законность против тех, которые борются с частной и государственной собственностью. Здесь же выясняется все своеобразие власти, формы которой по существу ничем не отличаются от приемов царской провокации. (Вспомним, хотя бы, дело Бейлиса и историю убийства Ющинского). Реакционный тон и содержание большевистской печати подхватываются польской буржуазной печатью. Та и другая становятся духовными братьями.

С другой стороны, мы видели, что вся эта дикая пляска приходит к концу. Бешеные отчаяния и выкрики большевистской и буржуазно-реакционной печати начинают постепенно терять свой блеск. Большой вес приобретает более адекватная печать — сравнительно более адекватной и совестливой. Поворот общественного мнения по отношению к Махно — начинается крие-

личиваться. Широкие более сознательные массы начинают понимать, что Махно — не бандит, не разбойник, не погромщик, что Махно — честная, идеальная, революционная и притом историческая личность.

Мы анархисты не будем, конечно, — по-добно радикальной печати — почтительно излагать перед польской буржуазной шляхтой то, что Махно, с своими повстанцами, во время революционной борьбы против контр-революции подавлял и польских буржуа, активных участников царских генералов и гетманов в Украине. Наоборот. Мы подчеркиваем, что

ПЕСНЯ МАХНОВЦЕВ.

Лучше всего характеризуется всякое движение и определяется его стремления и желания теми песнями, которые распеваются его массами.

Одно из таких народных движений, оставивших по себе глубокие следы в народных песнях, в народных легендах, в народных сказках — есть махновщина, т. е. движение, носящее имя анархиста Нестора Махно, стремившееся к устроению своей жизни на вольных, безгосударственных началах. Об этом движении, охватившем многомиллионное население Юга Украины и проводившем такую героическую борьбу против всякой власти, будущий историк революции расскажет не одну сотню прекрасных и бодрящих страниц.

Не будем здесь говорить о всей куче краденой и белой грязи вылитой на это движение. Сама жизнь разоблачила уже недругу клевету, сама жизнь и факты разобьют и остатки всех жидких наветов и на свет покажется полная героическая история борьбы возмущавшихся рабов против всякой власти.

В революционно-повстанческих (махновских) деревнях, помимо анархических песен, распеваются целый ряд пов.-рев. песен, — среди них и даваемая ниже.

Будем надеяться, что даваемая "песня махновцев" скажет сама за себя и покажет как много дум и построения этих передовых бой-

в борьбе против всех властителей и насильников, без различия национальностей и верований. Махно добросовестно выполнил свою прямую задачу по осуществлению идеала свободы и безвластия. Тем более насущной становится обязанность всемирного пролетариата оказать с своей стороны, сопротивление польской реакции. Каждый рабочий, крестьянин, революционер, социалист, анархист должен поднять свой монетный протест и еще более расширить начатую радикальной прессой кампанию против насильнических действий польской буржуазной реакции над Махно и его товарищами.

цов за полное освобождение.

Песня махновцев.

(на мотив "Стенька Разин").

Из-за холма, из-за леса,
На тачанках вдоль реки
Вереницей бесконечной
Выезжают мужики,

Впереди Махно суровый —
Вдохновитель боевой —
Криком грозным увлекает
Всех повстанцев за собой:

"Подымайся, люд голодный"
"На Кадета, — ведь злодей"
"Захотел отнять свободу
"У трудящихся людей.

"Мы за равенство, за братство, —
"За советский, вольный строй, —
"За бездомных и голодных,
"На буржуев ринем в бой.

"Наш поход победой кончит:
"Наша сила — весь народ,
"Наше право — справедливость...
"Гей, трудящийся, вперед!.."

Иван Карташев.

Песня эта написана рабочим-анархистом, преследовавшимся все время коммунистической властью и погибшим вместе со своей беременной женой, весной 1921 г. от рук коммунистов-большевиков

А. Горелик,

СОЦИАЛИЗМ В ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Ф. С. Грахам.

Результат шестидесяти-летнего парламентарного социализма.

(Продолжение)

Никогда еще в истории мирового рабочего движения, не было выдвинуто более сурового обвинения против какой бы то ни было политической партии, которая так же бы обманывала пролетариат, как доказывают следующие факты сказанных и написанных слов или дел социалистически развитых стран мира.

Швеция.

То, что шведские рабочие поддерживают социалистов видно из того факта, что в апреле 1920 года, начало свое существование социалистическое правительство во главе с хорошо известным социалистом Гаймаром Брантингом.

В данном им интервью корреспонденту "Ассошиэтед прес", он заявил:

"Это есть правительство для всего народа, а не части его."

"Мы не желаем никаких реформ или изменений общества".

Нужны ли комментарии о таком социалистическом правительстве, которое открыто хвастается, что оно даже не желает быть "реформистским" правительством? Или нужно доказывать, что шведские рабочие выиграли имея социалистическое правительство, в чьи руки они вложили свои надежды и верования?

Заявление Брантинга доставляет нужным ответ.

Дания.

В апреле 1920 года, рабочие Дании начали грандиозные демонстрации с целью сбросить короля Христиана.

С продолжением времени революционный дух распространился даже в армии и флоте.

В то время, когда демонстрации начали принимать все более угрожающие размеры для правления короля над народом, он созвал конференцию социалистических представителей и они совместно устроили "мир" за подачку из нескольких представительств в парламенте.

Следующая каблетрама была напечатана в газетах, в апреле 1920 года, которая сама за себя говорит.

"Копенгаген 5 апреля. — Когда по городу прошла весть о мире, множество рабочих вышло к королевскому дворцу, но полицейский кордон остановил демонстрацию. Толпа зашла в себя почти все радикальные элементы продолжала себе дорогу к дворцу, не смотря на то, что полицейские усердно пускали слезоточивые газы; несколько человек было ранено. В конце концов полицейские были вынуждены позвать себе на помощь три патруля, но демонстранты встретили их криками так, что они не имели возможности выйти из своих автомобилей. Один автомобиль был разбит в хребты. Сегодня ожидается новая демонстрация."

Другая от 7 апреля 1920 г., каблетрама в "Чикаго Дойл Ньюс", делает вещи еще яснее. Она частью говорит следующее:

"В окончательном анализе, все политическое брожение прошедшей недели, вылилось в решительную победу социалистов в их усилиях иметь большее представительство в правительстве".

Это стоит запомнить! Социалисты делают "мир" за несколько тепленьких местечек ("представительств") в правительстве ценою предательства действительной революции, которая могла бы принести освобождение, от современной системы эксплуатации, рабочим Дании.

Соединенные Штаты.

На массовом митинге состоявшемся в мае 1920 г. в Медисон Сквер Гарден, социалистической партии, их главный оратор (акционер на Волл стрит) социалист г-н Мур (Гилквист открыто хвастал, что революционные партии в Америке, — в настоящее время, это демократическая и республиканская, тогда как социалистическая является консервативной).

ТН: 51488

«ВОЛНА»

Стр. 23

Что случилось с социалистической партией, которая заключила читая протоколы партийной конференции, состоявшейся вскоре после этого конгресса. Г-н Энгдел, один из делегатов, которого мы знаем, что настоящая платформа (которая была последовательно принимаема) социалистической партии не отличается от платформы республиканской или демократической партии!

Можно ли сомневаться, что такие люди как Гилквист, если им будет возможность, поступят так же все социалисты Швеции и Дании?

Великобритания.

Здесь "фрукт" социалистического влияния на рабочее движение очень "богат". Голоса Ф. Спенселов, Макдональдов, Гиндманов и др. социалистов, против методов прямого революционного действия, достигли своей высшей точки во время забастовки 1921 г. Капитализм в Великобритании был встревожен; он боялся угрозы Тройственного Союза — генеральной забастовки в помощь бастующим шахтерам. Революционное рабочее движение всего мира с нетерпением следило за совершающимися событиями. Социальная Революция всем казалась возможной. В тот самый день, когда должна была начаться Великая Генеральная Забастовка, социалисты, как И. И. Томас, Франк Годжес и "коммунист" Роберт Виллиамс, выступили на сцену в предлах пролетариат Великобритании. Их политические манеры остановили начало генеральной забастовки, кончили забастовку шахтеров и привели к застраховали продолжение капиталистического правления.

Франция.

Достаточно упомянуть, о Франции, что-бы напомнить, что ни в одной стране (исключая Германскую империю) предкавания Бакунина, о парламентской тактике не обильно так ясно и выпукло. Генеральная забастовка железнодорожных рабочих в 1910 г., была сломлена опытным стратегическим "знаменитым" социалистом, Брианом. Брианни, Клемансо Томас Миллеран — кто из них не социалисты?

В продолжении 1904-6 годов, французские

синдикалисты агитировали за генеральную забастовку, которая, наконец, была объявлена 1-го мая 1906 года, Социалистический журнал "Ла Ревью де Норд", обвинил это движение как заговор для свержения республики и восстановления монархии!

Правительство использовало это как предлог и перебросило в Париж 50.000 солдат, брошено в тюрьмы вожаков и забастовка была сломлена!

Сильнейшей преградой на пути Социальной Революции во Франции и (как и в большинстве стран) в настоящее время, являются "свежие, знаменитые" социалисты,

Италия.

Нет лучших и более прямых доказательств в том, что социализм является преградой на пути Социальной Революции, как действия социалистических лидеров.

Статья Карла Треско (в нью-йоркском "Либераторе", апрель 1920) о положении в Италии, должна убедить рабочих, раз и навсегда, в чем заключается главная опасность на пути их освобождению.

Итальянские рабочие начали свою борьбу за свободу — генеральными забастовками, которые обыкновенно являются предшественниками Социальной Революции. Но в дело вмешались социалисты. Что последовало, можно ясно видеть из следующих выписок статьи Треско:

"Мы идем в парламент только с тем, чтобы разрушить его" — говорили социалистические кандидаты. "Ваше голосование означает революцию."

"Массам было внушено, во время всей выборной кампании, что это последние выборы в своем роде; что в действительности это не выборы, а преддверие революции."

Что случилось после выбора 156 социалистических депутатов? Треско пишет следующее:

"Разочарование в социалистических депутатах было результатом всего случившегося. "Во Флоренции, — писал один рабочий в мою газету "Ил Мортелло", — толпа народа пришла в Палату Труда с оружием в руках отвечая

«В О Л Н А»

на призыв 2 декабря. Мы были готовы для революции и верили, что призыв именно это и означал. Но вот пришел депутат Кароти, с проражен его просьбами, и 4 декабря возвратился в свои фабрики. Теперь мы все убеждены, что наши социалистические депутаты, слишком расмаковали свои тепленькие местечки и никогда уже не будут водителями революции.

Треско также цитирует следующую телеграмму из нью-йоркского "Таймс":

"Милан 3 марта. — Ввиду упорного сопротивления анархического элемента объединенному приказу социалистов и рабочих организаций, возвратиться на работу, генеральная забастовка, которая внезапно началась вчера после обеда, еще продолжается. Железно-дорожники оставили свои поезда и тысячи рабочих должны были оставить громадные мастерские.

"К вечеру было произведено несколько арестов. Смелая атака была произведена на Палату Труда толпой анархистов в 1000 человек. Главная агитация ведется ветераном революции Малатестой, который после прошлогодней амнистии возвратился в Италию, из его долголетней ссылки в Лондоне.

"Сегодня на грандиозном массовом митинге на площади Наполеона, Малатеста призывал рабочих к захвату больших индустриальных учреждений, для их собственного интереса".

С марта 1920 года, много чего случилось в Италии. Каждый читающий ежедневные газеты человек, до некоторой степени, знаком с теми фактами, что в то время когда социалисты бойкотировали и старались предотвратить какую революционную вспышку, анархисты делали все что могли для вызова революции в Италии. Захват металлургической индустрии и т.д. (400.000 чел.), захват других индустриальных предприятий рабочими по всей стране, иллюстрирует тот факт — как активны были анархисты и как желали и были готовы рабочие к революции.

Водушевленные такими действиями, анар-

хисты призывали рабочих к захвату всех фабрик и мастерских во всей стране.

А социалисты — что они делали? На собрании многих организованных рабочих состоявшемся в Милане 12 сентября 1920 года, говорится в cableграмме Ассоциаций Пресс:

"Социалистический депутат Даратона, представил резолюцию от имени Генеральной Конфедерации Труда склонную к компромиссу (650.000 голосовало за компромисс, а 450.000 против). Эта же cableграмма бросает некоторый свет на то — как честно "революционная" оппозиция (коммунисты) отнеслась к этой резолюции.

Новость о таком успехе Даратона, была встречена громом аплодисментов и криков, к которым присоединилась и оппозиция. Даратона был окружен возбужденными последователями, которые триумфально повесили его, а Генуэз и другие социалистические депутаты из оппозиции, крепко пожимали ему руки; некоторые бросались его целовать."

Видя, что массы продолжают захватывать фабрики, социалисты попустили принятие "закона" правительственного контроля над захваченными заводами.

Вот что писал "Нью-Йорк Колл" 17 сентября 1920 г.:

"Энрико Малатеста, вождь, возможно, 40% рабочих по металлу участвовавших в захвате фабрик, сильно огорчен законом правительственного контроля. Он призвал рабочих Турина и Генуи, держать во что бы то ни стало захваченные фабрики. Это кажется сомнительным, чтобы депутат Даратона (социалист, принадлежащему консервативному крылу) "удалось" убедить рабочих аннулировать занятые фабрики. Депутат Пароти (социалист) член комиссии, которая составит законопроект о контроле, заявил, что Итальянский Парламент застрахует страну против будущих, такого рода, недоразумений, проводя закон дающий труд "участие" в ответственности управления индустрий.

«В О Л Н А»

Развивается сильный конфликт между анархистами, тред-юнионистами и социалистами. Малатеста, вождь анархо-коммунистических групп, обвиняет социалистов и других лидеров в предательстве рабочего дела задержкой экспроприации экспроприаторов.

Последние события в Италии показали скопление анархистов и синдикалистов было арестовано на активное сопротивление измене социалистов.

"Коммунисты" хвастались, что они не удались пальцем о палец в продолжении этой великой борьбы. Они даже отказались дать моральную поддержку призыву к генеральной забастовке из освобождения арестованных товарищей, которые были верны революции.

Третий "Коммунистический" Интернационал, который приказывал (в июле 1920 г.) своим последователям в Италии продолжать эту предельную бездеятельность, имел наглость говорить с обвинением своих же "коммунистов", которые выполняли его же июльские при-

казы. Захват фабрик достиг таких размеров, что индустрия и правительство были парализованы. Правительство и капиталисты знали, что им это потерпит крах, — ни во что не вмешивались и ожидали. Также поступали и коммунисты. ("Коммунист" 15 Октября 1920 г. от Коммунистической Партии Соединенных Штатов).

казы содержащиеся в письме Ленина, Социальная Революция в Италии неосуществилась. И главным образом благодаря прямой измене социалистических ораторов, как "революционных", так и консервативных.

Испания.

В феврале 1920 года, испанские рабочие гор. Барселона, дрались в генеральной забастовке с армией и полицией. Пабло Иглесиас, испанский социалистический оратор, призывал папистских членов быть стачколомом. Он же обращался к британским рабочим с просьбой: не давать ни одного гроша на "анархическую" забастовку.

Из всех приведенных здесь фактов, о тех странах куда есть информационный доступ, ясно, для тех которые хотят быть убеждены фактами, что делали социалисты.

Те рабочие, которые доверяли свою судьбу социализму, были изменнически преданы представителями последнего, как в Парламентах, так и вне их, за последние 60 лет. Что одно из главных преград, на пути рабочих к освобождению себя, посредством Социальной Революции от современного рабства, является марксистский социализм с его представителями кричащими, что они "единственные освободители" рабочих! Мы видим каков результат 60-ти летнего парламентарского социализма.

(Продолжение следует).

ДЕКЛАРАЦИИ И РЕЗОЛЮЦИИ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАБАТ»

В. Худолей,

Центральным пунктом декларации является наша платформа "единого анархизма". Истинный анархист, с этой точки зрения, должен быть: "анархистом-коммунистом, призывающим анархическую коммуну, как непосредственную, — без всяких переходных стадий, — материальную базу нового

общества, складывающегося в процессе социальной революции; и анархистом — синдикалистом в смысле признания беспартийной массовой организации, как рычага анархо — коммунистического строительства в процессе социальной революции; и анархистом — индивидуалистом, признавая, что лишь интересы целост-

«В О Л Н А»

ной, духовно — развитой и свободной личности осмысливают этот материальный процесс. Такова самая суть этого нового учения, именуемого "единым анархизмом."

Прежде всего это учение совершенно лишено философии истории. Кропоткин видит в истории человечества последовательную смену форм взаимопомощи. Бакунин в борьбе классов видит движимую силу истории. Фор видит в истории замену власти природы над человеком властью человека над природой, причем переживаемый нами период характеризуется тем, что одна часть людей освободилась от власти природы, подчинив своей власти других людей. Анархо — индивидуалистическая идея свободного развития личности ничего не объясняет, ибо человеческая история вовсе не представляла последовательного развития личности: в вольных городских коммунах 12 — 14 столетия личность была свободнее, чем в последующую эпоху и в наше время.

Затем, революции делаются не сознательными личностями, а волею возбужденных масс. Отсюда следует, что идея свободного развития личности нуждается сама в истории — философском обосновании и может быть только выводом из него, а не основой. Можно сказать, что анархическая коммуна обеспечивает свободное развитие всех членов общества (личностей), но нельзя утверждать, что свободное развитие личности возможно только в анархической коммуне. Личность капиталиста может развиваться только в капиталистическом строе, анархическая коммуна будет для него стеснением, так как он не будет уже иметь возможности жить в роскоши за счет труда других людей. Наоборот, пролетарий задавлен нуждой при капитализме и сможет развиваться только в анархической коммуне. Следовательно, не во имя свободного развития каждой личности (ибо члены буржуазного класса уже имеют эту свободу развития и кое-что потеряют, когда мы ее приобретем) мы стремимся к анархической коммуне, а во имя интересов пролетариата как класса, члены которого только по осуществле-

нии анархической коммуны получат возможность свободного развития.

Как личности некоторые из нас могут и сейчас не только достичь высшего уровня развития, но и перейти в ряды буржуазного класса (сколько уже было таких "удачников"), раят, чем выигрывает. Мы бережем за анархическую коммуны не как личности, а как пролетариат. Говорить же о "личности пролетария" противопоставляя ее "личности буржуа" или "личности помещика" — значит говорить о борьбе классов, а вовсе не о развитии личности общечеловеческой.

Все эти вопросы, на которые мы могли только бегло указать, совершенно запутываются этим новым, с позволения сказать, "единым, целостным анархизмом," стоящим на александровской, индивидуалистической точке зрения, более близкой к Штирнеризму, чем к коммунистическому анархизму Кропоткина или Бакунина.

Далее — "синдикализм," т. е. "массово-организационный метод." С каких это пор синдикализм взял патент на массово — организационный метод? — Это вздор, о котором не стоит распространяться: каждый анархист с анархизмом знает, что антисиндикалисты тоже считают рычагом анархо — коммунистического строительства беспартийные массовые организации. Будем думать, что авторы декларации нечаянно сделали такую ошибку, отговорились, но все же желая извратить взгляды антисиндикалистов.

Нам, анархистам — коммунистам, очень приятно отметить один пункт из резолюции об отношении к экономическим и политическим организациям, где "набатонцы" выставляют следующее безусловно правильное положение. "Профессиональные союзы рассматриваются Конференцией, как устаревшая форма рабочей организации, неспособная, по самой своей природе, к какому-либо революционному действию и творчеству, не отвечающая требованиям эпохи и потому не

TN: 51488

«У Н Г О Я»

особого внимания." (курсив В. Х.)

По вопросу об отношении к профессиональным союзам (синдикатам, тред — юнионам) мы уходим далеко вперед от затхлого, догматического синдикализма который, не желая ничего видеть дальше своего носа, боится, чтобы новые формы массового протеста не оттеснили старого, привычного синдикализма или индустриализма. Времена меняются:

"Новое время — новые птицы,

Новые птицы — новые песни."

Синдикализм был хорош в 90-х годах, когда он еще только зарождался в Западной Европе. Но в XX веке, когда выдвигаются на первый план крупные тресты и комбинированные предприятия (объединяющие разные отрасли промышленности), когда руководство хозяйственной жизнью сосредоточивается в руках 2 — 3 — 4 банков передовых стран, — синдикаты становятся таким же старым хламом, каким были старые тред — юнионы по сравнению с новым синдикализмом.

В эпоху финансового капитала на первый план выдвигается стачка по солидарности, тресты и комбинаты профессиональной и международной стачки. В качестве первых ячеек массового протеста выдвигаются фабрично-заводские комитеты (организации), связываемые между собой общими избранными уполномоченными и тысячами общими обрабатываемых тайными, между профессиональными и анархическими группами,

Свою правильную и ценную идею противоставляя профсоюзам фабрично-заводских комитетов (собраний) „набатонцы“ сейчас же искажают, заявив, что эти комитеты должны стать органами управления производством, объединенными Советами рабочих и крестьянских организаций. Таким образом, они опять вернулись к старой программе французского синдикализма: синдикат, биржа труда, Конфедерация. Если чистые синдикалисты видят в такой организации осто́в будущего общества — то

это не удивительно: на то они и не-анархисты. Но нас удивляет, что анархо-синдикалисты не понимают, что такая организация представляет вовсе не анархическую коммуны, а реформированную демократическую республику государственных социалистов: разница только в том, что в демократической республике голосование производится по месту жительства, а в синдикальном государстве — по месту работы. Вот и вся разница.

Пресловутый конфедерализм анархо-синдикалистов не имеет никакого значения, так как в синдикальной республике, как и в Р. С. Ф. С. Р. создаются экономические предпосылки централизации — выдвигаемые единым планом хозяйственной деятельности. Куда что ведет — мы уже говорили в статье о советах и повторяться не будем.

„Суждены нам благие порывы,

Но свершить ничего не дано“ —

— должны будут сказать анархо-синдикалисты, когда начав с федерализма, по примеру Р. С. Ф. Р. докатятся до диктатуры партии.*)

Может быть только один случай, когда фабрично-заводские комитеты (или даже синдикаты) в качестве основных ячеек нового общества приведут не к синдикальному или советскому государству, а к анархической коммуне. Это в том случае, если они проникнутся анархо-коммунистической идеологией и будут смотреть на себя, как на основные потребительские ячейки. Тогда всякие Советы станут совершенно излишними, ибо службу связи и информации будут нести почтово-телеграфные союзы и каждая ячейка потребителей, давая заказы другим ячейкам, сама будет производить по их заказам для потребляемых продукты. Тогда не будет ни единой

*) Интересно отметить, что левые анархо-синдикалисты, великолепно понимают, что синдикальная федерация есть не анархия, а переходная ступень к анархии и сами выражают опасения, как бы эта „переходная ступень“ не укрепила бы на столетия. Спрашивается, зачем же создавать переходные ступени?

«В О Л Н А»

Федерации, ни единого плана. Общество будет аморфным бесформенным в смысле логической схемы строительства, так как ячейки будут связаны друг с другом тысячами нитей, бесконечно-развертывающихся, охватывая одни ячейки и выключая другие, чтобы затем снова связать их с какими-нибудь ячейками.

Если бы при таком построении ячейки (фабрично-заводские комитеты или же синдикаты) усвоили „идеологию потребителя“, то взаимоотношения между ними сводились бы к организации потребления и работе на заказ и общество носило бы вполне анархо-коммунистический характер. Но стоит только одержать верх „идеологии потребителей“, как взаимоотношения приняли бы характер торговли уже произведенными товарами или услугами и общество перестроилось бы по капиталистическому образцу, а затем сложилось бы и государство.

Вот почему необходимо синдикалистской „идеологии производителей“ противопоставить „идеологию потребителей“, выдвинув волю потребности человека на первый план и, если отстоятельства заставят воспользоваться синдикальными формами, то придать им потребитель-

ский характер. А еще лучше — сейчас же, как только массовый протест снесет с лица земли старый строй, — приступить к созданию ассоциаций потребителей, самостоятельно организующих производство для удовлетворения своих потребностей. Девиз — „от каждого по силам, каждому по потребностям“, идя в разрез с синдикальными методами строительства, вполне согласуется с ассоцианистскими.

Вернемся к декларации и резолюциям. Итак, индивидуализм не годится для нас и синдикализм — тоже. Остается у нас с вами только один общий пункт — анархическая коммуна. Ее мы будем строить во имя интересов пропаганды ассоцианистскими методами.

К числу удачных резолюций принадлежит резолюция о повстанческом движении. Остальные резолюции связаны со специфическими российскими условиями и общего интереса не представляют.

От Ред. Коллегии. Помещаема статья затрагивает в высшей степени важные вопросы анархического движения, поэтому Ред. Коллегия, не вполне соглашаясь с мнением автора, надеется осветить вопрос шире.

П Р И З Ы В .

Вехталь.

Ночь темна, но не далек рассвет;
Уж гаснут в небесах лазурных звезды ночи,
И чувствуя грядущий день — Рабочий
Проснулся... В победу верю согрет.

Он высоко поднял свободы знамя
И роковой борьбы ждет уж пламя.
Вперед к Свободе гордо он идет
И все, что путь ему великий преграждает —

Он топчет все, рвет в прах и все ломает.
На бой кровавый всех врагов зовет.
Враги-ж сильны, их мощны укрепления,
Но общим мы усилием пробьем

Дорогу к Рабству, Свободе — Изабелле
И в царстве тьмы свет Истины зажжем.
Дружней, товарищи всех стран и всех народов
Скорей под знамя черное борьбы.

Под звук призывной боевой трубы!
Рассеем мрак насилия и невзгоды.
Пусть ночь темна, но близится рассвет.
Еще одно усилие... Вперед!!

Тесней ряды, трудящийся народ!
И то, с чем мы боролись много лет,
Как ветох старая прогнившая падет.
15 февраля, 1922.

TN: 51488

ОТВЕТ НА РЕЗОЛЮЦИЮ.

А. К. ГРУППЫ ГОР, НЬЮ ИОРКА.

Рочестерская группа А. К., прочитав и обсудив на своем деловом собрании 6-го августа 1922 г. резолюцию А. К. группы г. Нью Йорка, выпечатанную в № 31 журнала Волна по поводу печатавшихся статей Эммы Голдман о капиталистическом державном в России в газете „Войрд“ пришла к следующему решению:

Соглашаясь с тем местом резолюции, где говорится о непримлемости анархистам пользоваться услугами капиталистической прессы, группа категорически протестует против тех мест резолюции, где мотивом, побуждающим Э. Г. печатать свои статьи против большевизма в газете „Войрд“ — была плата, деньги. И находим совершенно нелогичным то место резолюции, где рекомендуется порвать личные сношения с комитетом, в котором Э. Г. была членом.

Если непримлемо, что бы анархисты в Европе с российским комиссародержавием пользовались услугами капиталистической прессы, то не менее непримлемо, со всех точек зрения, порвать всякие сношения с комитетом который ставит своей главной целью помощь анархистам, ставшим жертвами чекистов только по-

тому, что Э. Г. является или являлась его членом.

Кажется смешным, если бы не было обидным, когда товарищи, которым небезызвестна самоотверженность Э. Г. в деятельности ее за идеал анархии, выставляют как мотив „плату“ и принимают необдуманные рекомендации о разрыве сношений с товарищами, работа которых может быть ценна не только в помощи жертвам большевистской реакции, но и в борьбе против государств и власти.

Комитет, где участие принимает или принимала Э. Г. может быть тоже, как и мы, не одобряет ее данного поступка в печатании статей в буржуазной газете, так почему должны мы порвать сношения с ним?

Уроки последних лет научили нас кое —

чему, а потому мы праздные слова и безтактные резолюции должны оставить в стороне и, вместо всего этого, должны взяться дружно за работу и показать товарищам их ошибки не на словах, не в упреках в резолюциях, а на примере, достойном подражания деле.

С товарищеским приветом

А. К. ГРУППА РОЧЕСТЕРА.

АНАР. КОНГРЕСС.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ ДЕЛЕГАТА НА

Поездка	108.50
Прожитие для поездки	25.00
Местные расходы по приг. и на парох.	1.50
Денеж. В.	20.00
„ „ К.	10.00
Платежи тов-ей по мелочам	15.00
Взносы литературы	4.00
Иные расходы	3.00

Расходы на паспорта	25.00
Ж-д. поездки по Герм.	10.00
Вещи в Герм.	30.00
Содержание	193.00
Взаимообразно взято	5.00

Всего 450.00
Выдано на проезд 450.00

«В О Л Н А»

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ОТЧЕТ РЕД. КОЛЛЕГИИ ОТ 1 АВГУСТА ПО 1-ОЕ СЕНТЯБРЯ.

ПРИХОД:

За В:	0
М. Бел-к	42.65
Гомстед	33.50
Кич-р	25.00
А. Ону-в	1.65
Гри-т	2.55
И. Пед	3.45
Анто-к	2.60
Гам-к	1.00
Гам-к	8.00
Гам-к	9.75
Вьюнос Айрс	21.22
С. Фр-ко	15.00
П. Ко-ба	75
Нью Йорк	20.85
ИТОГО ЗА В	126.22

ЗА ЛИТЕРАТУРУ:

Кич-р	1.00
Форд Сити	1.00
Чк-го	75
Чк-го	1.00
ИТОГО	3.75

ПОМОЩЬ АНАРХИСТАМ

Чк-го	31.65
Гам-к	11.00
ИТОГО	42.65

ОБЩИЙ ПРИХОД:

За В	126.22
Литературу	3.75

Помощь анархистам	42.65
День рабочей печати Нью Йорк	33.50
Издание журнала в Германии:	25.00
Чикаго	1.65
В кассе на 1-ое Августа было	428.04
ИТОГО	659.16

РАСХОД:

За В.	0
Набор	30.00
Печать	80.00
Машины	30.00
Перевоз метала	1.00
Помещение Ред. Кол.	6.00
Фридом	4.48
Пересылка за границу	5.00
ИТОГО	176.48

АГИТ. ФОНД:

Выдано тов. Д.	15.00
Пересылка литер. в Азию	6.72
Выдано на издание Ф. С.	50.00
Взаимобразно тов. Д.	15.00

ВЫСЛАНО В РОССИЮ:

Помощь заключенным	20.00
ИТОГО РАСХОДА	285.20

ОБЩИЙ ПРИХОД	659.16
ОБЩИЙ РАСХОД	285.20
В КАССЕ НА 1-ОЕ СЕНТЯБРЯ	373.96

TN: 51488

«В О Л Н А»

6-ти месячный отчет Детройт. района от 1-го июля по 1-го января 1922 года.

приход	52.30
расход	68.94
Остаток на 1-е янв. 1922 года	169.89

3-х мес. отчет Детройт. района от 1-го янв. по 1-е апреля 1922 года.

Приход за три месяца.	169.89
Переходная сумма с дек. на январь	60.40
Выручено за "В" и "В."	4.80
Ал-он и Лан. "В"	15.90
Добров. фонд "В"	1.00
От тов. Гет	5.50
На Черный Крест	1.00
От тов. М. С-ч	2.10
На жур. "Фридом"	4.00
Агитационный фонд	28.55
За литер. Дет. Ири и анарб.	293.14

Общий приход	293.14
3-х месячный расход.	62.80
Выслано за жур. "В" и "В" Г	8.35
Мелкие рас. перес. перес.	26.65
и друг.	97.80
В добр. фонд	293.14

Итого	293.14
Общий прих. от 1-го янв. по 1-го апреля	293.14
" рас. за тот-же пер.	97.80
Остаток на 1-е апр. 1922 года	185.34

Примечание:

В этот итог следует присоединить расход по раз. агитатора.

Расход	240.00
Приход	113.32
Перерасход	126.68
Остаток на 1-е апр.	58.66

Комиссия Д. и К.

Отчет по ликвидации.

С. Р. Р. г. Бофало

Приход:

В кассе было	50.00
Взаимобразно было	50.00
Итого	100.00

Расход:

На издание литературы выдано	50.00
(за которую деньги в кассу не поступили)	4.00
Упложено за помещение	15.00
Тов. Попку	1.84
за пересылку книг	76
" " газ. и интер.	5.00
На газ. "Ам. Изв."	81.60
Итого расходу	100.00
Приход	81.60
Расход	81.60

Сетаток 18.14

П. Гор-но, Деньги пересланы в Р. К. "В" (смот. отч. 29 н. "В".